

МАРТОВСКИЕ ДНИ 1953-го...

А мысли вновь уносят меня к воспоминаниям времён уже такого далёкого детства на станции Чернореченская...

Бабушка Анна и дед Алексей пока ещё жили с нами, одной семьёй, как и младший брат отца Василий, призванный вскоре на военную службу под Семипалатинск.

Я, по примеру своей бабушки, большой любительницы цветов, растений, тоже хотела что-нибудь выращивать, например, зелёный лук зимой, воткнув луковицы в землю под деревцем лимона, что рос у нас в комнате в небольшой бочке. Правда, цветения лимона, как и плодов на нём, я не припоминаю. Это было время, когда мы с братом ещё и в школе не учились. Вадик иногда дразнил меня, пытаясь вытащить луковочки из чёрной земли. Так и случилось в запомнившийся мне день пятого марта 1953 года, когда умер вождь страны нашей И. В. Сталин.

Дедушка, держа на руках сестрёнку Леночку, завёрнутую в одеялко — ей всего-то и было две недели, стоял около чёрного диска радиорепродуктора и недовольно одёргивал нас: «Тише! Тише!..» Радио было закреплено на стене, недалеко от деревца. Мы с братом стояли тут же, толкаясь, потому что Вадя норовил вырвать мой лук из бочонка с лимоном, а я не давала ему это сделать. Дедушка вслушивался в голос Левитана с трагической для страны, всего народа новостью. На его глазах были слёзы, он беззвучно плакал, утираясь рукавом рубахи-косоворотки.

Мы притихли, стараясь понять, в чём дело, почему дед плачет. «Наш Сталин умер, нет его!» — уже почти рыдая, сказал он нам. В доме поселилась тревога. В те дни скорбела вся страна: грустная музыка по радио, продолжительные гудки при подходе поездов к станции, приспущенные флаги с чёрными лентами, портреты Сталина в траурных рамках...

Но жизнь продолжалась. События сменяли одно другое — как в стране, так и в нашей семье.

«БИСОВЫ ДИТЫ!..»

Такого восклицания нашего деда Алексея мы с братишкой Вадиком иногда заслуживали за изрядно удивившие его наши проделки. Ведь детские шалости никогда не иссякают, наверное, тем более если есть свобода для их проявления: сельская улица, друзья, подружки из числа соседской детворы, беготня, игры, веселье, затеи... Дедушка журил нас как-то по-особому, не сердясь слишком уж, снисходительно, порой с улыбкой и любовью. Но отнюдь не одобрительным было выражение его лица при следующих обстоятельствах, которые редко, но возникали.

Наши дедушка и бабушка были людьми религиозными. В их избе, в кухоньке, на стене висело несколько Божьих образов — икон, а в горнице — одна, побольше размером, с ликом Богородицы. Дедушка и бабушка молились, обращая свои взоры на них, тихо шепча слова молитвы, а то и, становясь на колени, отбивали поклоны, низко склоняя головы. А мы с братом, когда нам было пять-шесть лет, передразнивали их, когда они усердно молились, преклонив колена. Мы тоже опускались на домотканые половички, старательно крестились, поглядывая на иконы, хотя крещены не были, а то и начинали «бить лбами» в пол наперегонки друг с другом. Дедушка очень недовольно реагировал на это «богохульство» и говорил сердито: «Вот бисовы диты!..» Мы, смеясь и дурачась, поспешно убегали.

ШЛЯПА

В одном из моих альбомов со старыми фотографиями есть фото, где мы стоим втроем: я, мой братишка Вадик и наша

подружка Лида, дочь учителей, коллег наших родителей. Мне тут лет семь, брат на год моложе. Видно, что было лето. Стоим около деревца с уже распустившимися вполне листочками. Мы в сандалиях, лёгкая одежда на нас. Но на моей голове фетровая шляпа с полями, загнутыми вверх, которая, как помнится, была бордового цвета и так мне надоела, что носить её вовсе не хотелось. Но уже повседневным был ритуал: перед моим выходом на улицу мама непременно смотрела, на голове ли шляпа, ведь «солнце голову напечёт»!.. Брату полагалась шляпа соломенная, и он её тоже надевал, но она полегче была. Так бы я и ходила в этой ненавистной шляпе, жаркой не по сезону, если бы не счастливый для меня случай.

Как-то в один из дней, набегавшись, мы с братом захотели попить воды и решили сбегать на перрон, благо это было совсем рядом с нашим домом. Там стояло деревянное сооружение в виде домика — водогрейка для пассажиров с проезжающих поездов. Под окном из помещения торчали две трубы, из которых можно было, открыв краны, набрать как холодной, так и горячей воды. Они открывались изнутри, если во фрамугу, свободную от стекла, просунуть руку и повернуть вентили. Детской рукой это было сделать гораздо труднее, поэтому мне потребовалось в окошко просунуть и голову, чтобы видеть, как открыть кран. А так как шляпа, конечно, была на мне, широкие поля помешали ей благополучно остаться на моей голове, когда я отступила от проёма окна.

Увы, шляпа оказалась внутри водогрейки, упав там на пол. Когда мы через несколько минут подошли с братом к двери домика со стороны привокзальной площади, обнаружилось, что на двери висит амбарный замок. Подождали, ушли, наведывались ещё не раз в этот день, потом и на другой, но застать кого-либо из работников этого здания так и не удалось. А тут на несколько дней выдалась дождливая погода, когда шляпа была не нужна — дома непогоду пережидали. Дожди прошли, снова тепло стало. На мамин вопрос, где же моя шляпа, я делала невинные глаза и удивлённое выражение лица: мол, ищу её сама и не могу понять, куда она запропастилась. Братишка тоже держал в секрете случившийся со шляпой эпизод.

А на душе стало легко: ведь даже видеть эту мою вещь мне уже не придётся, не то что носить!..

«ЛЯНА»

Милая девчушка лет трёх, в ситцевом сарафанчике с сине-белыми розами, тоненьким нежным голоском напева-ет: «Ой, кьясивы над Войгой закаты, ты меня пъявазяла в сайдаты!.. Юку зяла, пъявазяла, пъявазяла!..»

Вокруг неё у ворот сельского дома, на деревянной ла-вочке, немногочисленные зрители, родные люди, которые одобрительно хлопают этой песенке в ладоши, улыбаются. Им хочется, чтобы это очарование длилось дольше.

Скоро тёплый летний вечер тихо расстелет пелену обычного в этих местах тумана, а пока солнце не скрылось за лесистыми сопками, что на другом берегу стремительной реки-сибирячки Маны. Поющая артистка — моя сестрёнка Лена. Мы в гостях у родных со стороны мамы, в селе Нарва Красноярского края. Приятные летние неповторимые дни отдыха у близких нам, дорогих сердцу людей!..

А мне — восемь лет.

Я сижу на дощатом заборчике здесь же, рядом с импро-визированной сценой, тоже в сшитом мамиными руками, таком же, как у сестры, сарафане с бело-синими розами. На-певаю свой незатейливый мотив, то тише, то громче, тщетно стараясь привлечь внимание зрителей к своему, как кажется мне, замечательному пению, явно лучшему, чем у сестрёнки.

Внимания на меня из «аудитории» — никакого!.. Смеют-ся все, когда на вопрос о её имени сестричка потешно назы-вает себя: «Ляна». И это так мило и нежно звучит: «Ляна!..»

«Ну нет, сегодня не мой день славы, я не смогу удивить никого из них, придётся найти себе новую забаву!» — ду-мала я, с огорчением соскочив с забора. А тут уже и Валя, моя двоюродная сестра, из дому вышла, предложив сходить к её подружке Нэле, что жила недалеко. И пока мы шли, всё тише слышалось пение маленькой сестры моей, но звук аплодисментов долетал и до нас...

ПЕЧЬ РУССКАЯ

Добрый жар русской печи... Сколько воспоминаний связано с ним!

Яркое пламя с искрами от горящих берёзовых поле-ньев, переходящее постепенно в мерцающие синеватые

язычки-огоньки... Остатки тихо потрескивающих угольков сгребаются по сторонам, обнажая каменно-кирпичный горячий под, на который ставятся почерневшие от частого использования прямоугольные жестяные листы-противни с уже пышным, пахучим, ярко-кремовым тестом, разделанным в кругляши булочек. Полукруглая заслонка, тоже из жести, закрывает вход в таинственное царство аромата свежеиспечённой стряпни, которая выпекалась не только по праздникам. Ещё миг детского терпения — и вот из печи извлекаются шаньги сметанные или с творогом, румяные булочки с ягодной начинкой, а то и с маком, пирожки с картошкой, с луком и яйцами или капустные. Но с восторгом бóльшим, чем прежде, встречались черёмуховые, во весь лист, пироги, когда затем, после их остывания, взбивалась холодная густая домашняя сметана с сахаром и этот белоснежный её слой медленно равнялся, нежно растекаясь, свешиваясь по краям пирога струйками, и застывал.

В русской печи по осени сушились жёлто-зелёные шляпы подсолнухов, ни с чем не сравнимый запах которых волнами разносился по небольшой избушке. Со временем, по мере высыхания, из них луцились крупные, чаще с белыми прожилками на чёрном, ребристые семечки. Они складывались в полотняный мешочек и тоже — за печь, на сундук, с тем чтобы в зимний вечер их пощёлкать с удовольствием, вспоминая летнюю славную пору.

Иногда изба наполнялась ароматом томлёно-сушёных ягод: шиповника, боярышника (боярки), лесной малины, клубники и черёмухи, которая потом тонко измельчалась, перетиралась в тяжёлой ступе и годилась для любимых всеми пирогов.

А ещё сушились и резаные грибы — опята, боровички, подберёзовики, хотя больше заготавливалось грибов для соления.

Вспоминается совсем уж необычная картина из детства, когда в доме занимались изготовлением своего крахмала, ведь ягодный кисель бабушка Аня варила довольно часто. На больших тёрках натирался очищенный картофель, даже некрупный, а затем эта быстро темнеющая на воздухе кашцеобразная масса много раз промывалась в воде, которая часто менялась, отстаиваясь.

Вскоре на дне таза или других посуды можно было уже увидеть бело-розоватый слой крахмала, постепенно, с

каждой новой порцией воды, становившийся всё белее. Наконец он выкладывался на ткань, возможно, полотенце или специально предназначенное для этого рядно. Начинался процесс сушки, но в почти прохладной печи. Слои крахмала время от времени перемешивались, а если украдкой взять небольшую пригоршню его, то под пальцами он начинал похрустывать-поскрипывать — признак того, что влага почти ушла.

Не помнится того, чтобы на тёплой печи, наверху, кто-то бы лежал, так как она была невелика по размерам, хотя сверху на ней сушились и валенки, варежки, рукавицы. Когда и банные веники можно было увидеть, и обязательно — медно-жёлтую щепу для растопки печи, лучинки, что в те времена нужны были наряду со свечками, керосиновой лампой, когда в иные вечера отключалось вдруг электричество.

Но наивысшей радостью в детстве было, набегавшись с друзьями по снежным сугробам, накатавшись на санках с ледяных горок, своей и соседних, ввалиться с морозца в кухню, наскоро вымыть под ручомойником за ситцевой занавеской озябшие руки и покрасневшее лицо, присесть за стол в ожидании щей наваристых из печи, в чугушке, с невероятной величины куском мяса, или ароматной жёлтой пшённой каши с румяной пенкой от молока.

На печи варилась и картошка в большом казане — для поросёнка.

Разыгравшийся аппетит был велик, зачастую было и желание, поддев картофелину из варева, остудить её на блюде, «раздеть» от шелухи, посыпать крупной солью, добавив немного запашистого подсолнечного (постного) масла, отрезать кусочек от луковки, а то и сальца с чесноком.

Благодать!..

В печи потрескивают дрова, ровно гудит огонь, а на стене над столом, сбоку от уголка с иконами, украшенными вышитыми бабушкой полотенцами-рушниками, тикают часы-ходики с кукушкой и цепочкой с гирькой. Тут же в коричневой рамке — старые фотографии родных, рядом круглый чёрный репродуктор-радио, из которого то новости слышны, то спектакль для детей, то песни по заявкам покорителей целины, строителей Красноярской ГЭС, железнодорожников.

Уют, тепло этого бабушкиного дома до сих пор в сердце, в душе!..

ПИАНИНО

Играть на пианино — мечта всей моей детской жизни. Я замирала, стоя под чёрной «тарелкой» радиорепродуктора, слушая полонез Огинского и другую классическую музыку, какую можно было тогда часто слышать в эфире. Музыкальной школы в посёлке не было, как и средств в семье для покупки пианино. Но мечта о музыке стала воплощаться в реальность, когда оказалось, что в школе, где я начала учиться, было пианино. Оно стояло в учительской, старое, с пожелтевшими клавишами. Папа немного играл, знал ноты. Время от времени по его просьбе меня обучал игре учитель музыки, баянист школьный. Это был пожилой добрый человек с мягкой улыбкой. После учебного дня, когда учительская становилась безлюдной, я придвигала тяжёлый старинный стул к инструменту и начинала играть, с каждым занятием всё увереннее, но очень стеснялась, когда к пианино подходил кто-нибудь из учителей и интересовался, чему я научилась.

«Ну, сыграй что-нибудь!» — просили они. И я, волнуясь, начинала дрожащими пальцами исполнять что-либо, ошибаясь и путая ноты. А тренировать руки, играть гаммы мы с папой ходили в поселковый клуб — бывшую церковь, приспособленную под заведение культуры, где раза три в неделю и кино крутили. Пианино стояло на возвышении, почти за светлым экраном, с одной стороны которого свисала коричневая бархатная штора. В клубе было темно-то, неуютно и очень холодно, казалось, даже летом. Из рта шёл пар, пальцы коченели. Фортепиано было с глухим, расстроенным звуком, нескольких клавиш не хватало. Но были упорство и желание играть музыку.

Позже папа изобрёл и смастерил деревянную клавиатуру, где клавиши при нажатии на них подпрыгивали на пружинках. Звука, конечно, не было, но это и не имело большого значения, ведь мелодии можно было пропевать по нотам и беглость пальцев потренировать. Братишка тоже приходил с нами в клуб, пытаясь играть на пианино, но ему было труднее, ведь он был младше меня.

А в жизни семьи с 1959 года предстояли изменения: отца перевели на работу в Иланский. Музыкальной школы тогда в городе не было ещё. Я стала приходиться играть на

фортепиано в местный Дом пионеров. Здание было деревянным, одноэтажным, старой постройки, где и располагались комнаты, в которых дети находили для себя интересные занятия в различных кружках. Пианино стояло в коридоре. Зачастую очередная толпа мальчишек пробегала мимо меня, играющей по нотной тетради этюды, стучала по клавишам кулаками, балуясь, кривляясь и выкрикивая. О серьёзной игре в те дни не могло быть и речи. Но позже, уже в седьмом-восьмом классах, в моей жизни появился замечательный человек — классный руководитель Нина Михайловна Мейснер, учительница русского языка и литературы.

У неё были незабываемые уроки! Она декламировала наизусть многих поэтов, сопровождая всё действие иллюстрацией картин художников и проигрыванием классической музыки на грампластинках. Это была хрупкая белокурая молодая женщина с сине-голубыми глазами, белёсыми, без краски, ресницами и бровями. Она всегда куталась в вязаные шерстяные кофты с длинными рукавами. Когда она читала что-либо нам, голос её дрожал, пальцы трепетали, лицо преображалось и становилось таким прекрасным! Ученики в классе тихо сидели, затаив дыхание, слушали её.

Как-то, случайно узнав, что я самостоятельно овладеваю искусством игры на фортепиано, Нина Михайловна пригласила меня к себе домой. В комнате стояло старинное немецкое пианино. Нотные книги, тетради были особенными, с пожелтевшими, порой будто изломанными, потёртыми картонными страницами с готическим шрифтом. Им было, наверное, лет сто пятьдесят... Когда я их перелистывала, ощущение благоговения, уважения перед такими реликвиями из прошлого не покидало меня. Здесь были этюды Черни, произведения Чайковского, Листа, Шопена и других композиторов. Нина Михайловна замечательно играла!.. Теперь она стала заниматься со мной, давать советы, как правильно исполнять те или иные произведения, одобряя мои старания.

А весной, когда во Дворце культуры железнодорожников в дни школьных каникул проходил традиционный смотр художественной самодеятельности среди школ района, мне было предложено сыграть на нём. На сцене стояло пианино. Я исполнила так любимый мною «Полонез» Огинского. Публика в зале — ученики, их родители — аплодисментами наградила

моё выступление, не отпуская со сцены. Я решила тогда сыграть и вальс Чайковского из балета «Спящая красавица». Это был единственный музыкальный номер на фортепиано среди школьников городка. Я была счастлива и рада успеху!..

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О КРАСНОЯРСКЕ

Поездки к родственникам в Красноярск были нечастыми в детстве для нас с братом, но всегда интересными и своими неожиданными впечатлениями, и яркими событиями. Родители наши в те годы учились заочно и, приезжая на сессии, брали и нас с собой.

В эти дни мы находились в семье маминого брата Василия и его жены Полины. Они жили в то время на улице Бограда, в двухэтажном деревянном доме, потемневшем от времени. Рядом с их домом был сад с ранетками и другими деревьями, кустами сирени, в котором жители отдыхали на скамеечках, могли и книгу почитать в уединении. Чисто вокруг, спокойно, и деревья тень создавали, ухоженные, без каких-то ломаных веток, красивые. И клумбы с цветами во дворе, что был широк и огорожен голубым штaketником с воротами «в город».

В семье дяди Василия и тётки Полины росли наши двоюродные братья Виктор и Сергей, почти ровесники нам. В комнате стояло пианино, на котором учился играть младший из них. Катание на велосипеде по двору дома, чтение книжек, игры были нашим времяпровождением в летние дни.

Ярким воспоминанием остаются мои тайные походы в город. Я шла по тротуару улицы Горького, затем выходила на улицу Карла Маркса, далее — на проспект имени И. В. Сталина (ныне — Мира). Архитектура старинных деревянных домов и зданий из красноватого камня, кирпича, причудливые кованые решётки ворот, оград привлекали моё внимание. Хотелось разглядывать их. А на широких подоконниках окон первых этажей в домах вдоль тротуаров — цветы, такое чудо!..

Я уже знала, что где цветёт. Вот несколько горшочков красивой разноцветной герани, глоксинии, какие росли и у нашей бабушки. А вот куст розового олеандра... А что это за незнакомец с большими алыми цветами на зелёных, длинных, сочных на вид колючих листьях? Теперь-то знаю — эпифиллум. Постою, полюбуюсь, подумаю: «Вот бы мне

отросточек!» Я ведь знала уже, как их прирастить, потому что видела, как это делала бабушка Аня.

Иду дальше... Улицы наполнены шумом звуковых сигналов автомобилей, в том числе и «Побед», словно перекликавшихся друг с другом, едут автобусы, также время от времени оповещая о своём прибытии. Любопытно было наблюдать за горожанами. Вот на велосипедах едут молодые люди, весело переговариваясь, а среди них и девушки. Запомнились мне горожанки. На дамах — шляпки, в основном из мелкой соломки, с кокетливыми украшениями на них из лент и цветов. В руках — сумочки («ридикюли», как их называли тогда). Кудряшки-букли по плечам, аромат духов «Красная Москва», какие были и у нашей мамы, красивые крепдешиновые платья «в татьянку» (сборочки на талии), рукава кокетливым «фонариком» или «крылышками» до локтя, часто — бусики, на руке — часики, босоножки на высоком каблуке или туфли лаковые. Оживлённый разговор, смех. Баулов, тяжёлых сумок в руках у них не было...

Но главной целью моих «вылазок» было дойти до тележек-лотков, с которых продавали мороженое и газированную воду.

На улице, недалеко от потока машин, чаще на краю тротуара, стояли специальные небольшие тележки на колёсах, и на них было всё для продажи мороженого. Около тележек орудовали продавщицы в белых халатах, передниках, ажурных, с вышивками ришелье, косынках или кокошниках. Мороженое зачерпывали специальной округлой («ловкой» такой) ложкой из цилиндрической алюминиевой ёмкости, окружённой со всех сторон колотым льдом, аппетитно, «с горкой», складывали в картонный или вафельный стаканчик, закругляли «горку» и подавали тебе.

А на других тележках были закреплены стеклянные цилиндрические мензурки-колбы с мерными делениями и винтиком-краником внизу. Подставлялись стеклянные стаканы (мылись они холодной водой тут же, на специальных вертушках со струйками), из мензурок в них наливали сладкий фруктовый сироп и добавляли газированную углекислотой холодную воду. Покупатели стояли рядом с тележкой и пили газировку. Стаканы тут же мылись продавщицей и снова шли в ход. Вода утоляла жажду в жаркие летние дни. А дорога назад, к дому на Бограда, уже не казалась такой долгой...

К НОВОЙ ЖИЗНИ...

Слово «Иланский» прозвучало в нашей семье, живущей на станции Чернореченская под Красноярском, в 1959 году, летом.

Папа был приглашён туда на работу директором школы. Нам предстоял переезд. И вот в один из дней собранный, упакованный нехитрый наш багаж был перевезён на товарный двор станции, к товарному вагону. В нём в углу поставили широкую родительскую кровать с панцирной сеткой. Папа закрепил её к полу. К подготовке поездки в товарняке он отнёсся серьёзно, старался предугадать все сложности переезда. Помню тумбочку-столик, ящики фанерные с одеждой, чемоданы, коробки с посудой, книгами и другими вещами, принадлежностями. Мы с братом были неподалёку, наблюдая за этим процессом загрузки. Всё было интересно: шум проходящих поездов, суматоха, необычность события.

Настал вечер. Мы, ребяташки, с мамой на ночь разместились на большой кровати, укрылись потеплее. Что ночь предстоит холодная, чувствовалось уже с вечера. Папа прилежался на полу вагона, на матрасе. Примечательно, что вагон подцепили к локомотиву среди ночи. Раздался стук, толчок — и... всё пришло в движение. Дальше — больше. Вагон болтало из стороны в сторону, кровать ездил, но, к счастью, выдержала испытание.

Самое смешное из воспоминаний сегодня — это история с чайником. Отец налил в него воду и повесил на дощатую стенку вагона, на гвоздь, почти над кроватью, чтобы пить ночью, кто захочет. И вот на ходу поезда вода стала литься из носика чайника на нас, в кровать. Сначала думали: мол, дождь, что ли? Когда поняли, в чём дело, то и сон пропал... А ночь казалась тёмной, долгой. Мимо грохотали встречные поезда, кричали гудки паровозов, вагон раскачивало, временами очень сильно. А потом было утро, солнечное, яркое. Папа отодвинул засов двери, и в вагон хлынуло солнце... Вход был загорожен поперечной перекладиной. В дверном проёме мелькали сибирские просторы: поля, перелески, станционные строения, лес на горизонте, небо голубое, облака. Доносился свежий аромат летнего, пряного от лесных запахов утра. Что ждало нас впереди? Новая жизнь!..

Какой она будет?..

МАТТИОЛА

Цветок на хрупком стебельке, зелёном, с лёгким матовым налётом блеска... Четыре узких сиренево-розовых неярких лепестка и едва уловимый аромат фиалковых нот, свежести ночного левкоя. Его величают маттиолой, а ещё — ночной фиалкой, ведь открывает свои лепестки она к вечеру, к сумеркам, и неповторимый аромат её волнами растекается по траве — и с каждым дуновением ветерка всё выше и выше. И вот уже пространство рядом с маттиолой благоухает...

Лунный свет и этот цветочный аромат создают романтическую, нежную атмосферу летней ночи.

Вот уже много лет на моих клумбах цветёт маттиола, и, наверное, это уже стало славной традицией. А начиналась она с Иланского, где стала жить наша семья после переезда со станции Чернореченская. К тому времени я училась в четвёртом классе. Квартира наша располагалась на втором этаже восьмиквартирного деревянного дома, каких на улице Рабочей стояло несколько, и построены они были для семей железнодорожников. Под довольно широкими окнами по весне папа прикрепил сделанные им деревянные ящики, насыпал туда земли, в один из них посеял... редиску, а другой предложил мне — посадить какие-либо цветы. Я сходила на базар, где в те времена, кроме всех прочих товаров, можно было купить и семена цветов. Для меня это была довольно сложная задача — сделать свой выбор. На прилавке стояли крошечные полотняные мешочки с семенами цветов, и рядом с каждым — картинка с изображением цветка, какой предлагался. Бабуся-продавец, узнав, для чего я беру семена, посоветовала приобрести ночную фиалку, что я и сделала. А летом каждый вечер в открытое окно комнаты проникал приятный, нежный запах этих скромных на вид цветов.

И с тех пор я не расстаюсь с ними: каждое лето люблю маттиолой, посеяв её у себя, а то и ставлю несколько цветков в маленький букетик, с тем чтобы и ночью ощущать этот романтический аромат, напоминающий детство, юность, радующий меня и... в «бальзаковском» возрасте.